

Рассказы
русских писателей

—

Любовь
Свидания
Поцелуи

Москва

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)-44
Л93

Составитель *Анна Жиркова*
Оформление серии *Степана Костецкого*

Л93 **Любовь.** Свидания. Поцелуи : рассказы русских писателей. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-206365-7

«И жили они долго и счастливо...» — о такой любви мы мечтаем в своих фантазиях.

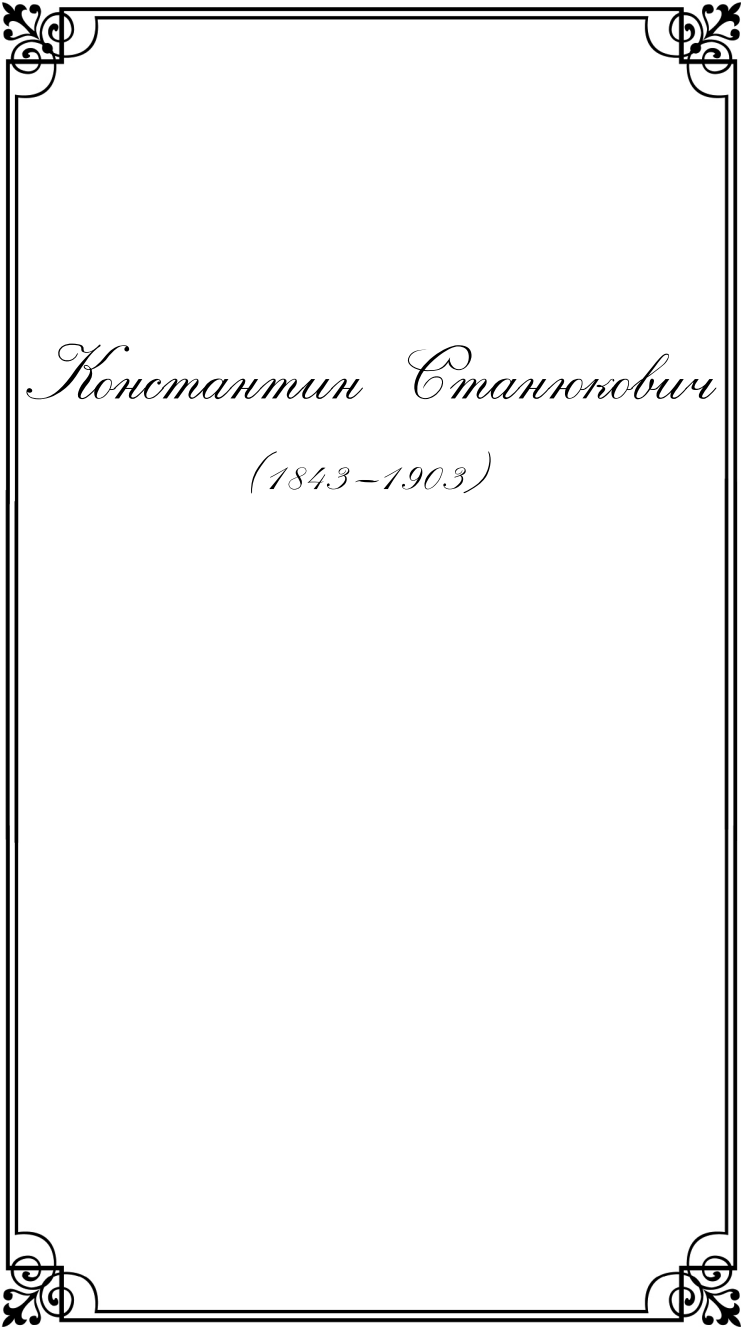
Но не каждые романтические отношения заканчиваются свадьбой, и не все влюбленные живут душа в душу до конца своих дней. Об этом хорошо знали русские классики. Светлые, трагичные и остроумные истории сменяют друг друга, создавая яркую панораму отношений между мужчиной и женщиной конца XIX — первой половины XX века.

В сборник вошли рассказы Чехова, Вересаева, Бунина, Андреева, Гаршина, Лухмановой, Тэффи, Зошенко и др.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)-44

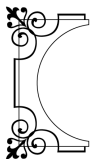
ISBN 978-5-04-206365-7

© Зошенко М. М., наследники, 2026
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

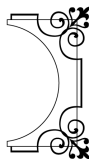

Константин Станюкович

(1843–1903)

СВАДЕБНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

I

Минут за десять до отхода курьерского поезда в Москву перед пульмановским вагоном¹ стояла кучка дам и мужчин.

Провожавшие молодую чету Руслановых, три часа тому назад повенчанную в одной из модных домовых церквей — в «Уделах», были из «монда»².

Несколько хорошеньких женщин, много элегантных костюмов и шляп и тонкий аромат духов. Два красивых, моложавых, седых генерала. Офицеры блестящих полков. Юный мичман и десяток статских в модных пальто на безукоризненных фраках с цветами в петлицах.

Все казались оживленными и слегка возбужденными.

Чуть-чуть отделившись от кружка, стоял пожилой господин с выбритым усталым лицом и равнодушным взглядом, в черном пальто и с фетром на голове.

¹ Пульмановский вагон — вместительный спальный или товарный вагон. Впервые такие вагоны стали производить заводы Джорджа Пульмана в США.

² «Монд» — высший свет (от фр. *monde* — мир, свет).

Он говорил старому адмиралу о погоде в Крыму прошлой осенью. Слегка наклонив голову, адмирал напряженно-внимательно слушал, словно бы боялся проронить одно слово пожилого господина. В лице и в фигуре старика адмирала было что-то искательное и жалкое, хотя его высокопревосходительству не было ни малейшего дела ни до его превосходительства, ни до прошлогодней погоды.

Многие из провожавших Руслановых взглядывали на него значительно, с невольно раболепным чувством. Проходившие мимо мужчины, видевшие пожилого господина в его приемной и даже не бывавшие там, почтительно снимали шляпы, и лица их как будто расцветали, когда его превосходительство любезно приподнимал свой фетр с коротко остриженной заседшей головы, не припоминая или не зная господ, кому кланялся.

Несколько ливрейных лакеев, стоявших сзади, упорно смотрели на него, и глаза их прилично-серьезных бритых лиц, казалось, загорались горделивым восторгом перед его престижем.

Казалось, невольное и часто бескорыстное раболепие было привычно пожилому господину и не стесняло его. Он принимал его как нечто естественное, как то самое, что испытывал и сам в те времена, когда достигал высоты положения.

Мимо кучки провожающих шнырял господин, могущий внушать подозрение, не будь он вполне прилично одетый молодой человек в цилиндре, откровенно стремительный, озабоченный и победоносный, с бегаящими, почти вдохновенными глазами.

Он так жадно оглядывал женские наряды, бросая более деловитые, чем восторженные взоры на женские

даже хорошенькие лица, что можно было принять молодого человека за дамского портного, желающего «схватить» последнее слово фасонов платьев, жакеток и шляпок.

Немедленно выяснилось, что молодой человек не портной. Он набросился на начальника станции и, чуть не коснувшись его юпитерского лица своим длинным и тонким носом, с фамильярной торопливостью и краткостью допрашивал: «Кто новобрачный?.. Куда? Фамилии генералов? Посажены ли его высокопревосходительство? Кто — в белом, сером, зеленом костюмах? Кто мать молодой?.. Голубчик... Как же не знаете всех... Непостижимо!..»

Он полетел по перрону, напал на обер-кондуктора, вернулся и небрежно спросил ливрейных лакеев о сиреневом платье. В несколько минут он узнал все, что требовали его обязанности, и, присевши на скамью, вынул записную книжку и стал набрасывать материал для заметки в завтрашнем номере бойкой газеты, обращающей внимание на свежесть великосветской хроники.

— Это — репортер! Завтра попадем в газеты! — с гримаской, но втайне довольная, заметила одна дама.

«Молодая» — высокая, стройная брюнетка с крупной родинкой на загоревшейся матовой щеке, возбужденная и счастливая, казавшаяся гораздо моложе своих двадцати шести, была в «стильном» сером дорожном платье и в большой шляпе с яркими цветами, придававшей ее хорошенькому энергичному лицу что-то кокетливо вызывающее и горделивое.

Она стояла в центре кружка провожающих, обмениваясь со всеми короткими ласковыми словами.

Все эти родные и знакомые, не раз подвергавшиеся ее злословию, казалось, так сердечно высказывали ей привязанность, так горячи и искренни были их пожелания, что все, все казались ей в эти минуты необыкновенно милыми, хорошими и добрыми. И она как-то невольно придавала значительность и сердечную приподнятость своим самым обыкновенным и незначащим словам.

Но вдруг по лицу молодой женщины мелькнуло выражение испуга.

— Слушай, мамочка...

Пожилая, внушительного вида, сильно молодившаяся, подкрашенная вдова известного боевого генерала, довольная, что ее Мета вышла наконец замуж влюбленная и расходу заботливой матери сократятся, — услышала своим чутким ухом тревожную нотку в голосе дочери. И генеральша с еще большей нежностью спросила:

— Что, Мета?

— Мне... Пришли в Алупку мой берет... Я забыла взять... Не забудь.

— Завтра пошлю, милая.

И, словно бы внезапно спохватившись, прибавила:

— А ты и не хотела показать, как устроились в купе. Покажи...

— Пойдем, мама...

И когда они вошли в маленькое купе, полное букетами цветов, мать воскликнула:

— И как же хорошо... И как я рада, что ты счастливая! — прошептала мать.

— О да... да... Но, мамочка... Ведь надо Никсу сказать, — чуть слышно, взволнованно сказала Мета.

— Я говорила тебе... Не теперь только...
— А когда?
— Завтра, послезавтра... понимаешь... Как мы об-
ворожительны! — восхищенно промолвила мать и об-
няла дочь. — Ну, идем, Мета.

II

Они вернулись на платформу обе веселые.

— Ведь ненадолго прощаемся, Мета... Не прав-
да ли?

— На месяц, мама.

«Никс так меня любит!» — подумала Мета, ища гла-
зами мужа.

Никс, плотный, цветущий, красивый блондин
одних лет с женой, с решительными, слегка наглы-
ми голубыми глазами, с подстриженной маленькой
бородкой и пушистыми, кверху вздернутыми усами,
в темно-синем вестоне¹ и в мягкой шляпе, ходил по
перрону под руку со своим товарищем по лицу, ста-
рым другом и сослуживцем по министерству.

Далеко не счастливый по виду, молодой, озабо-
ченный и раздраженный, он сдержанно-тихо говорил
другу:

— Ради самого черта, Венецкий! Сделай все...
все...

— Сделаю, Никс...

— Не забудь... Не зарежь меня... Завтра же поез-
жай к Александре Эсперовне. Всего удобнее в два
часа... Прежде был мой час, и муж на службе... Успо-
кой. Ври... ври, объясняя, почему я уехал, не про-

¹ Вестон — пиджак (*фр.*).

стившись... И скажи, что, как вернусь из Крыма, буду у нее... А то, что обещал, пришлю из Алупки...

— Разве ты, Никс, и у Александры Эсперовны занял?

— А ты думал, что я ей дал взаймы?.. Откуда? От американского дядюшки, что ли, наследство?.. Или ты мне дал?.. Одним словом, будь чрезвычайным послом... И благословляю тебя... В качестве утешителя сделайся другом сердца... Она...

— Свинья ты...

— Охотно верю... Но, главное, уговори моих подлецов-кредиторов... Я их просил... Верят мало... Убеди, что получу же за женой средства... Со всеми расплачусь.

— Много ли берешь за женой?

— Не меньше двухсот тысяч... Есть пензенское имение. Продают... Конечно, дурак! — раздраженно прибавил Никс.

— На всякого мудреца довольно простоты...

— Еще если бы был влюблен до одурения... Решил утром сегодня предложить генеральше ультиматум... Сколько? И немедленно двадцать пять тысяч... И понимаешь, какое-то идиотство нашло... Ни слова!.. Неловко было сказать, что, кроме долгов, ничего... А ведь мог бы сегодня заткнуть все дыры... Так и обещал подлецам... И теперь, если они предъявят векселя ко взысканию... Скандал!..

— Скажи жене...

— Еще бы!.. Не броситься же под поезд!.. Я хочу жить как порядочный человек... Для чего же ты держал сегодня над моей головой венец?.. Мета будет прелестной женой... Влюблена, не глупа, не terre-à-

terre¹ с ревнивыми сценами и записными книжками. Душевное спокойствие. Звонки не будут раздражать... Мирный очаг в уютном гнезде. Пора избавиться от моей каторги...

Вдруг Никс нахмурился и раздраженно промолвил:

— Повернем... Сейчас полюбуешься вот этим мерзавцем, который пришел сюда...

«Мерзавец» в образе почтительного швейцара подошел к Никсу и, снимая фуражку с галуном, чуть слышно прошептал:

— Когда же? Все вам отдал, Николай Иванович!

— Видите, женился... Получу... Вернусь через месяц... Все получите, — почти тихо, чуть слышно промолвил Никс.

И внушительно и громко прибавил, сунув швейцару золотой:

— Так смотри же, Викентий!.. Ступай!

Никто, разумеется, не догадался, в чем дело.

Швейцар, по-видимому мало обнадеженный, что скоро посмотрит на свои деньги, не особенно горячо поблагодарил и, надевши фуражку, с мрачным видом пошел к выходу.

— Нет!.. Это черт знает что... Скотина вообразил, что удираю из-за его тысячи рублей...

Пробил второй звонок.

— Так будь другом, Венецкий... Все, что просил...

— Постараюсь, Никс.

— Один месяц пусть подождут... Один месяц — и все до копейки... Телеграфируй в Алупку... Разумеется, условно...

¹ Заурядная (фр.).

— Конечно...

Друзья вернулись к вагону.

Начались пожатия рук, объятия, поцелуи и пожелания.

— Счастливцев Никс! — говорили приятели.

— Прелестная пара! — заметила какая-то дама.

Все посторонились, когда пожилой господин в фетре подошел к племяннице.

Он три раза поцеловал Мету, наскоро перекрестил ей лоб и сказал:

— До свидания, Мета... Если удосужишься, напиши — как погода в Крыму.

— Непременно, дядя... Будь здоров!

— Какое тут здоровье? — недовольно промолвил его превосходительство, точно Мета осмелилась желать здоровья человеку, который постоянно считает себя нездоровым и все-таки работает с утра до ночи, удивляя по временам авторов восторженных статей «железной энергией и неусыпным трудолюбием» его превосходительства.

— Ты, дядя, взял бы отпуск... Нельзя так работать! — с трогательным участием проговорила Мета. — Приезжай в Крым...

— Отдохни ты за меня, Мета! — шутливо сказал дядя.

Мета уж была в объятиях матери, а пред его превосходительством словно выплыл из-за жены Никс, почтительно наклонив обнаженную, коротко остриженную белокурую голову.

— Ну, доброго пути, Николай Иванович! — довольно равнодушно говорил пожилой господин, и взгляд его стал еще застланнее и, казалось, непроницаемее.

Он протянул маленькую руку в лайковой желтой перчатке и, слегка пожав руку нового родственника, не внушавшего доверия ни к его способностям, ни к его средствам, ни к его основательности, прибавил чуть-чуть мягче, но все-таки деловым тоном:

— Благоразумно сделали, что везете жену в Крым. Отдыхать и тратить деньги лучше дома, чем за границей!

Никс согласился и поспешил отойти, чтобы проститься с родными и приятелями.

Его превосходительство не стал ожидать третьего звонка.

Он сделал общий любезный поклон, сделал приветствие рукой Мете и твердой, быстрой походкой направился к выходу.

«К себе не возьму!» — бесповоротно решил он о Никсе.

И его превосходительство стал думать о весьма важной записке, которая лежала на столе в его кабинете. Его лицо оживилось. Он не сомневался, что запиской «подложит свинью» одному из своих коллег.

С уходом пожилого господина в фетре почти все провожавшие Руслановых словно бы почувствовали облегчение от необходимости лстить и от невозможности позлословить насчет его превосходительства.

Тотчас же пошли сдержанные обмены впечатлений.

Сестра его превосходительства, молодящаяся генеральша, первая же шепнула дочери:

— Я думала, что он хоть теперь тебе даст пакет, Мета... Он ведь знает, что мои дела не блестящи... И я не могла...

- Скрыга! — ответила Мета...
- Эгоист был, эгоист и остался!

Какая-то родственница Меты говорила блестящему офицеру:

— Кажется, мог бы подарить что-нибудь приличное племяннице... А то скверненький браслет в сто рублей... И ведь одинок... Старый холостяк...

- Ну, не совсем одинок, — заметила другая дама.
- Не очень-то ему стоит эта дама.
- Скуп!
- И жалуется, что, кроме жалованья, ничего.
- Знаем мы эти «ничего»... И вдруг где-то имение

в триста тысяч.

— Немудрено. Рыцари без страха и упрека обязательно выигрывают на свой билет двести тысяч! — проговорил какой-то статский смеясь.

Красивый седой генерал говорил другому генералу.

— Ты знаешь... Я командовал полком, а он был в то время каким-то незначительным «чинушей».

Красивый генерал подернул плечами, точно был обижен и удивлен.

— А ловкая шельма... Слышал, недавно? — ответил генерал.

И не без завистливого смеха говорил что-то на ухо другому.

- Неужели?
- Все говорят.

Пробил третий звонок. Поезд тихо тронулся.

Мета и Никс весело кивали из открытого окна купе в ответ на поднятые шляпы мужчин и воздушные поцелуи дам.

Генеральша, отирая слезы, крестила в воздухе дочь и воскликнула:

- Да хранит тебя бог! Пиши, Мета!

Разбившись на группы, провожающие пошли к выходу. Слышались замечания о новобрачных.

— Никс прогадал... У Меты ничего.

— А пензенское?

— Один из воздушных замков матери... Кругом должна.

— А у Никса?

— Долгов еще больше.

— Бедная Мета... Она так любит.

— Этого мало... Бедняга Никс!

— Толком узнай, что получает.

— Влюбились...

— Никс!? Едва ли...

— Но как они будут жить?

— Дядя устроит... Заплатит долги Никса ради Меты...

— Не из таких американских дядюшек.

— Никс сам виноват. Не женись!

— И зачем Мета пошла за нищего?

III

Никс волновался... «Что даст ему женитьба?»

Он прибрал к месту букеты, коробки с конфетами, саки и чехлы с зонтами.

Мета сняла шляпу, посмотрела на себя в зеркало, сняла перчатки и взглянула на свои красивые руки с кольцами на длинных тонких пальцах.

Оба сели рядом.

«О делах еще рано!» — подумал Никс и поцеловал Мету.

Мета приникла к нему. Никс не без сентиментальности гладил ее волосы.

Мета, казалось, предпочла бы более серьезные доказательства счастья Никса. Когда он был женихом, не гладил головы, а целовался.

И, переполненная чувством, она почти умиленно, восторженно прошептала:

— О, как я люблю тебя! И как я горжусь тобой, Никс.

Что Мета, давно желавшая семейных радостей и считавшая флирт одним из приятных видов спорта, была как кошка влюблена в дьявольски красивого блондина, это было естественно и понятно. Но почему она могла гордиться Никсом — этого не мог понять даже и при всей своей наглости Никс.

Кроме лица и сложения, он никакого повода для гордости не подавал.

Но это ему было приятно, — пусть гордится мужем!

И Мета, на которой он женился со специальной целью, ему очень нравилась. Кроме «души», у нее была и красота... Двадцать семь, правда, но моложава и свежа. Сложена отлично. Целуется вкусно — видно, выучилась на флирте. Читает даже журналы. Умеет вести умные разговоры без претензий *bas-bleu*¹. Умеет одеваться. Влюблена и влюбится сильнее. С матерью не особенно дружна. Генеральша слишком афиширует своего юнца любовника, невозможного балбеса.

Вот все или почти все, что знает Никс о жене.

Он подумал, что пока еще не может ею гордиться.

Вот когда убедится, что даст пензенское имение...

Никс не сомневался, что оно «серьезно» и Мета обеспечена... Она не девчонка и не дура, понимает,

¹ Синего чулка (*фр. фигур.* — ученой женщины).

что порядочным людям жениться нельзя только на влюбленных девушках... И теперь домашний очаг казался Никсу такой прелестью... И Мета так мила в своем проявлении горячего порыва, что Никс как будто и не совсем лживо смягчил свой мягкий голос до влюбленной нежности, когда, крепко сжимая руку Меты в своей, говорил:

— Любимая... Родная... Моя красавица... И как хорошо мы проживем в Крыму... Море... Горы... Тепло... Прогулки... И вместе... вместе...

И Никс прибавил:

— В Москве остановимся. Хочешь, Мета?

— Конечно. Я не была в Москве... Там хорошо?

— Гостиницы недурны. Остановимся в «Дрездене». Завтракать в «Большом Московском»... Обедаем в «Эрмитаже»... Кормят хорошо... А вечером...

Никс сообразил, что в его словах нет обязательно поэтического настроения. Он говорил с женой почти так, как говорил с легкодоступной женщиной, когда возил такую в Москву дня на три. Он обещал роскошный номер, обеда в «Эрмитаже» и вечер у Омона.

И Никс понимал, что, во всяком случае, нужна «поэзия».

И он сказал:

— Мы будем счастливы, Мета.

— Если ты...

— Что?

— Не разлюбишь скоро...

— Тебя?

И Никс рассмеялся. Он хотел поцеловать Мету, но в двери постучались.

Вошел кондуктор, взял билеты и спросил, когда приготовить постели.

— В Любани. Мне есть хочется. А тебе, Мета?

И ей захотелось есть... Сегодня был поздний завтрак *dînatore*¹.

Когда они остались одни, Мета серьезно спросила:

— Так не разлюбишь?

— Нет, нет, нет...

— Ты раньше любил, Никс?

— Никого.

— А эти твои дамы...

— Ты слышала?

— Да...

— Ну, так это были увлечения... Мимолетные связи... А теперь... Теперь совсем другое... Понимаешь... Тихий домашний очаг... Уютное гнездо... Красавица, умница жена... Милая!.. Но отчего твой дядя недоволен, что ты вышла за меня замуж?

— Он только собою доволен... И не все ли тебе равно, Никс?.. Мы любим друг друга...

— Это не мешает, Мета, чтобы твой скряга перевел меня к себе и устроил бы лучше, чем в моем министерстве.

— Мама попросит... И я, Никс... Не тревожься!

— Я не тревожусь... Надеюсь, и без дяди мы можем жить порядочно... То, что у меня, да твое пензенское... Прости, Мета, что говорю о такой прозе.

И Никс прибавил «поэзии» в поцелуе.

Напоминание о «пензенском» испугало Мету. Она почувствовала себя безмерно виновной перед Никсом и, полная раскаяния, мучилась, что во время флир-

¹ Заменяющий обед (*фр.*).